

Сколько ливней, сколько гроз, сколько метелей прошумело над рязанским краем, над Россией, над огромной Родиной нашей! А слово твое, Сергей Есенин, горькое и высокое, светлое и неотступное, как багряная гроздь рябины, звенит и колыхается на великом холме народной нивы:

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынут выржавленный гвоздь.

Только произнеси: "Сергей Есенин!" - хлынет Россия, Россия, Россия, могилы ее, пространства ее, курганы ее.

Сергей Есенин! - яблоня дышит, поезд гудит, мать, седее зимы, святее смерти, у обочины стоит...

Сергей Есенин! - мы, русские люди, мы на своей отчей земле, мы будем ласкать любимых, рожать детей, тебя помнить, Сергей Есенин, нежный, мудрый, одинокий, как осенний месяц, вечный поэт мира. Зачем так стонешь ты, Сергей Есенин?

Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Значит - душа попросила. Твоя, лебединая, снежная, как белый вихрь, затерянная в облаках и тучах жизни. Великий сын Вселенной, русский Христос, теперь я не сомневаюсь: ты видел, слышал, знал катящийся вал безвинной крови, горячий красный шторм, холм кровавый, на котором пылает багряная рябина горя и качается - от двадцатых лет до тридцатых лет, от сороковых годов до восьмидесятых годов, от Москвы и до Колымы, от Москвы и до Берлина, от Москвы и до Кабула.

Могилы, могилы, могилы. Обелиски, обелиски, обелиски. И курганы, курганы, курганы безымянных, бескрестовых, низких бугорков-вздохов северной мерзлоты, песков

азиатской пустыни, и над каждым - мать, седее зимы, стоит, рязанская русская мать, Россия стоит, грозная, измученная, полурасстрелянная, кровью сыновей и дочерей своих залитая, но стоит, держится и в ночь говорит, в сегодня говорит, в завтра говорит:

"Да проклянет вас первый и последний колос на пашне, проклянет вас первая и последняя звезда в небе, честь моя проклянет, достоинство мое проклянет вас, блудословы, вас, обещатели рая, вас, неустомимые палачи собственного народа, вас, душителы белых лебедей русских, убийцы радости и веры, казнители церквей и колодцев, насильники красоты и молодости! Вы и Сергея Есенина не пощадили - Христа русского предали и на веревке распяли его. На веревке. Иуды.

Вы, гранитные хриstopродавцы века, нашу революцию превратили в свою революцию пайков, чинов, поликлиник, путешествий, особняков, бриллиантов, нетрезвых пророчеств, косноязычных речей и бездарных реформ, жутких лагерных дисциплин, торгашеских попыток умиротворения и стабилизации, и все это - на груди русского обманутого народа и народов, бросаемых вами в несчастные Карабахи, Сумгаиты, Оши, Тбилиси, Риги, Таллинны, Кишиневы, Сухуми.

На груди русского народа, приютившего под самой рубашкой, есенинской рубашкой, на Орловщине, Ярославщине, Смоленщине, в центре, на темени русской земли, на лесковско-фетовско-бунинско-толстовско-тургеневско-кутузовско-жуковском пятачке, турок-месхетинцев. Асам русский народ, изгоняемый, травимый, как осиротевший палестинец, как Христос, никем не защищен, и даже - беженец, отторгнут, оболган при замкнутых молчанием, сытых губах гранитных наших русских хриstopродавцев... Брошен в междоусобицы, свары трусами и негодьями времени.

Братские могилы в Трептов-парке шевелятся, солдаты переворачиваются в них. Убитые воскресают.

Не молчите, люди! Русские, объединяйтесь! Народ, не молчи! На нас еще надеются соседи, братья, истоптанные, как и мы, чугуной пятой кровавого бессердечья и лжи. Вчера расстреляли царских детей, сегодня сдергивают с пьедестала памятники своим кумирам. Качают бронзовое тело на тросе... Что это? Кто это? Не о них ли?

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?

Разве я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны!..

Действуя от имени партии - убили партию. Действуя от имени народа - предали народ.

Судьба настоящего поэта всегда тождественна судьбе его народа. Есенин "впереди" своего народа пережил то, что позже навязали народу. Есенин погиб - и русский народ сквозь кровь и стоны вырывается из этой черной бездны унижений, судов, тюрем, расстрелов и войн. Да, еще раз пусть будут они прокляты, кровавые карлики, вместе с тренерами их и организаторами! Во веки веков. Аминь.

Талант Сергея Есенина - доброта, сестра, брат, мать-Россия и все народы ее, тоскующие по красоте и покою:

Спит ковыль. Равнина дорогая.
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Мы неодолимы. Нерасторжимы наши золотые звенья уважений народа к народу, песни к песне. Земля наша великая, Россия наша родная, мы встаем, стирая с изуродованного лица безвинную кровь, встаем и слышим голоса канувших, убитых, голоса всех погибших за Родину, за Россию. Медленно встаем, но мы никому не отдали, не предали тебя, Сергей Есенин, Христос наш русский!

Сегодня многие политические таежники азартно делят "шкуру неубитого медведя" на вольные и независимые региональные княжества, пьяны от шумной бессовестной вакханалии, - да пресечет этот базар великий народ! И пусть нам светит предупреждающе:

Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?

И:

Я бродил по городам и селам,
Я искал тебя, где ты живешь,
Но со смехом, резвым и веселым,

Часто ты меня манила в рожь.

Вот, кажется, прикатил Сергей Есенин в родное Константиново, в отчий дом. Далеко - божественный мир столицы, ревнивый и злобный туман салонов, кафе, собраний. Русский видом и словом, он вызывал "специфическую" неприязнь к себе у пестрой, нигилистически настроенной публики, где космополитизм беспределен, где жажда денег и славы превышает понятия "друг", "брат", "мать", "Родина"... Вернулся к матери, к сестрам, к яблоням, к лугу:

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Вернулся, как высвободился, как прояснел и преобразился добротой и светом юности.

* * *

Есть ли где еще такой "простецкий" народ, кроме нашего, русского, позволяющий на протяжении десятков лет "диспутировать": пил или не пил его гениальный сын - поэт Сергей Есенин? И - более грустные "научные" дискуссии: сколько, мало или много, пил? И - далее: когда - именно и с кем - именно? И - последнее: иссяк его талант или не иссяк?

Уроды. Глухие, горбатые, слепые. Уроды не от природы, а от безнравственной непогоды. Не слышат соловьиный огонь есенинской скорби по красоте, по солнцу, по земле и свету. Не замечают его физического атлетизма, его кудеснической освоенности в биографии жизни и в предначертанностях поколений. Не отличают дверного косяка от мирового горизонта. А ведь над мировым непроницаемым горизонтом задержался пророк со свечою. Ну как не увидеть ее?.. Какому не поклониться?

Настоящие физические калеки, глухие, горбатые, слепые - сказочно крепкие, музыкальные, стройные и зоркие существа... А эти - измятые камнями осьминоги, выплунутые вечной стихией моря на мертвый песок. Защищать поэта перед ними - стучать тонким невестиним перстнем по грязному пятаку свиней, не достучаться...

Прилепился к есенинскому имени обветшалый "литврач" Свадковский и давай зубами скрипеть, мертвый песок пережевывать: Есенин пил, Есенин израсходовался, Есенин "ороговел" нетрезвостью позыва к самоубийству. Есенин, - Свадковский еще уличит, - откалывал, мол, номера! А к чему все "очарование" медика поэзией? К тому - Есенин должен был повеситься...

Правильно. Есенин должен был повеситься, а Свадковский долго и назидательно жить, дабы долбить и в грббу великого сына России? Какое ваше дело, сколько прожил и сколько выпил Есенин? Есенин оставил для нас богатство - не пропить, не пропеть, не проплакать, как, допустим, степь - века пластается и ковылями шумит! А вы? Куда вы?

И догадаться ли вам: такого уровня поэт, как Сергей Есенин, подаривший нам тома и тома червонных золотых слитков, слитков и поэм, мог умереть не в тридцать, а в двадцать, но оставил бы то, что Богом ему суждено оставить? Такого гигантского уровня поэт не мог ливнем не добежать до горизонта или громом не докатиться до моря, не мог. Умереть он мог, но оставить обязан был - тома и тома. И оставил:

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья, червь?

Неужели Свадковскому, ученому, неизвестно: жертвенность откровения, опрокидывающая преграды бунтарская налитость слова и не пьяный, а политический, русский гнев души - не признак депрессии? Ослабленный, растерянный, даже шепчущий исповедь священнику поэт - ни на минуту, ни на час, ни на день не парализован, и найдет он силы в себе для социального разинства, а разинство, и малое, - упор в будущее, а не петля:

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь, как-то дико и странно,
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Не надо Сергея Есенина, как лилипуты Гулливера, прикручивать идейными канатами к пыльно-цементной бороде Карла Маркса и травить - хватит. Трезвенник литврач и трезвенник литкомиссар - кастраты. Рюмка водки, выпитая Есениным, - рюмка русского

горя, русской обвды, бьющей из-под расстрельной полы сионистской кожанки Троцкого, а рюмка водки, выпитая литврачом или литкомиссаром, - водка: закусить им охота...

Посмотрите, как мучаются нынешние поэты, переживая о растерзанной прорабами России, гении они или не гении, пусть, но - поэты, они за красоту и свободу, а не за убийство Родины. Так и Есенин: надеясь на революционное очищение, красоту и свободу, напоролся на чекистский штык сердцем. При чем тут пьянка и драки? Свечу из рук поэта выбили, а всовывают в руки ему кровавый нож.

И никогда не замазать на стенах деревянных русских изб и на стенах русских каменных зданий огромные, с Курильские острова, пятна русской крови, их не удалось замазать ни вождям революции, ни вожакам развитого социализма, ни дьяволам-прорабам перестройки. Думы наши- кровь пращуров наших... А прорабы кровь человеческую гонят по артериям преданной ими страны. Повторяется эпоха Октября в России. Повторяется есенинская боль в действующем ныне живом русском поэте. Вот и опередил нас Есенин:

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылку рать!
Я собираю пробки -
Душу мою затыкать.

Конечно, литврач и литкомиссар использовали бы пробки по назначению: сдали бы в ларек, а тут - пьет, бандит, и пробками душу затыкает. От кого? Не от революции ли? Не от Ленина ли? От вас, от вас, кроты сырой мглы, чтобы вы не прогрызли дыры в сердце поэта, как в сердце народа. И хмель Сергея Есенина - его бессонная, осмысленная ненависть к палачам русского народа.

Рюрик Александрович Ивнев рассказывал: "Сереза мало пил. Бывало, держит, держит рюмку и, подмигнув, украдкой выплеснет ее под стол. - Почему, себя сохранял?..

- Нет, Сереза скоро настроение терял. Вредно ему веселиться...

- А говорят, много и часто пил?

- Завистники говорят! Выпьет и шум: "Я видала Есенина, пьяного!"... "Я видал Есенина, хмельного!"... И - поехало".

Рюрик Александрович имел право называть Сергея Есенина Сережей, друзья, не рядовые, а прочные и редкие. "- Но буянил же Есенин?..

- А ты, а я не забуянем, если пристанут с хамством и клеветой? По клевете - суд за антисемитизм. По клевете - в каталажку. По клевете - внимания нет к нему. Бухарина нажужукали, а Бухарин - второй, за Лениным шел, за Троцким идет". Есенин - крупнейший русский поэт. В антирусские годы провокации вокруг Есенина кипели, как лягушьи головы в болоте.

Рюрик Александрович вспоминал: "Да, выпимши, да, кол-готной убывал из дома Сережи, из Москвы в Ленинград. Заехал к Толстым на извозчике, быстро и нервно собрал нужные вещи:

- Еду, уезжаю, сейчас!.. - Сошел к извозчику, а в окно: - Сережа, до свидания! - А через паузу: - Брат, прощай!.. - И еще: - Прощай, брат!.. - Не могу"...

И - доказывал: "Тридцатого марта расстреляли его друга, Александра Ганина. Тридцатого июля Максим Горький послал Бухарину "присяжное" письмо о поэтах, защищающих русскую деревню, несправедливо и опасно ударил по Есенину. Шестого сентября на поезде "Баку - Москва" Есенин "площадной бранью" одел Рога. И Рог направил в суд заявления, подтвержденное Левитом. На Есенина завели уголовное дело. Двадцать шестого ноября Есенин лег в больницу. Вышел из больницы двадцать первого декабря.

Побывав по издательским делам в редакциях, двадцать третьего декабря, вечером, Сережа выехал в Ленинград и двадцать четвертого приехал, а все тяжелейшие удары по нему - на конец года, тысяча девятьсот двадцать пятого!.."

Фраза Есенина "Меня хотят убить" Рюриком Александровичем интерпретировалась так:

"Сереза пригнувает голову к подоконнику:

- Пули боюсь, камня боюсь!.. - В больнице..." Бухарин не успел разразиться страшными обвинениями по Есенину, но травля началась на правительственном базе. Помог бы Есенину Ленинград? Нет. Ленинград помог погибнуть. Появился Есенин в Ленинграде 24 декабря, а 28 декабря, рано утром, участковый надзиратель в "Англетере", Н. Гробов, составил акт.

Читаем как есть: "...шея была затянута не мертвой петлей, только с правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой рукихватило за трубу, труп висел под самым потолком, и ноги были около 1 1/2 метра от пола. При снятии трупа с веревки и при осмотре его было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез, на левой руке на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли".

А в акте медэксперта А. Г. Гиляровского - "над переносицей вдавленная борозда длиной четыре сантиметра и шириной полтора сантиметра". А позже "борозда" чудесно "превратилась" в ожог, исчез пиджак поэта, исчезли туфли, а признаки трагедии в "почетном" номере гостиницы затаились. И мы, рожденные "с опозданием" на десятилетия, давно седые, лишь начинаем кое-что узнавать и кое в чем прозревать.

Гибель величайшего русского поэта может быть доказана и тогда - в народе утверждена. Но пока она, эта русская национальная трагедия, несомненно, не доказана. И я, не специалист, не исследователь судьбы Сергея Есенина, "волен" лишь пользоваться собственными наитиями, но до определенной меры. Наития - не доказательство.

Мы никогда не должны забывать: Пушкин не застрелился, а застрелен, Лермонтов не застрелился, а застрелен. Гумилев расстрелян. Блок уничтожен. Почему не убрать Есенина и Маяковского? Дорога смерти накатана, действуй. И вообще: на Руси и в тридцать седьмом убивали самых талантливых, даже в областях - самых талантливых. Есть о чем задуматься?

Делая зарисовки в "Англетере" с мертвого поэта, художник Сварог запечатлел одежду

Есенина "встрепанной", заметил на ней обилие ворсинок от ковра, расprostертого на полу. Сварог подтверждает наличие пиджака и туфель, "аккуратно" исчезнувших. И художник считает, уповают некоторые: Есенин убит в номере гостиницы. Тело его через окно убийцы планировали вынести, со второго этажа опустить в кузов грузовика и замести следы на вещах и на предметах, бдительно "упорядочить" преступление. Но окно не открывалось настолько, насколько необходимо, и убийцы, торопясь, разыграли вариант повешения...

Есть свидетельства: нарушен был режимный заведенный лад. Нарушено распределение и последовательность расположения вещей, мебели, предметов, всего того, что есть - гостиничный номер. Высказываются предположения: произошла схватка. Есенина в Америке еще "произвели в спортсмены", он никогда не выглядел шоколадным пай-мальчиком, сильный и решительный.

* * *

Как годы летят? В юности я клятву дал: если выпущу книгу, стану поэтом, приеду в Константинове и поклонюсь дому Есенина. Приехал. Весна. Иду. Завернул в магазин. А в магазине - хлеб, соль и водка. Той весной Рязань окончательно "догнала и перегнала" Америку по молоку и мясу. Разорилась начисто. Областной лидер застрелился, Ларионов, жертва грудобойцов ЦК КПСС, а Хрущев облял его посмертно. Кого лысый канительник не лял?..

Купил я хлеба, соли, водки. Иду на усадьбу поэта. Старушка в цветастом платке, запон вышитый, за мной увязалась. Присели у дома. Дом - домик. Высунулся из земли. Веселый и грустный. Окошки в мир глядят. Огород - голый. Ничего. Только молодые яблони привстали - цветут. Я на старушку поглядываю. Старушка поглядывает на меня, опасливая, я и говорю: - Страдалец! .. - А ниче, все мы как?.. - Самый честный, самый красивый!.. - Ить не честных-то не рожали! - пошевелилась на траве старушка. - Обижали, мстили им!.. - Им ли разве, а все и мы тут!..

Выпили. Старушка повторно выпила, отказываясь и крестясь, третью попросила сурово: "Все мы честные и все страдаем. А он-то, ну, где он еще такой есть? На гармошке играет. Угощает. И - плачет... А за мной ухаживал - не культи-мульти, шустрая... Добрый. Любили его. А супруга Сидора являлась на пепле. Есенины дважды горели. Зола. А Сидора, расплетенная, на пепле. Золу перебирает и трет. Чужестранная, а своя!.."

Где теперь эта старушка? Не спросил, не записал, беспечный. Да и нужно ли фиксировать, уточнять, когда - вот он, домик поэта, глядит на тебя?

Мать поэта, поди, молоденькую девушку, старушку мою, за ягодами брала, письма Сергею Есенину с ней на почту посылала, но кануло их совместное попечение за Оку, за мгlistый век. Сестер Есенина помытарили, и дети поэта расправы не миновали. И ныне - тюрьмы отремонтированы: пожалуйста!.. Соль вздорожала, хлеб не купишь, а водка - не прицениться, пропала.

А сестер Екатерине с лихвой "благодарностей" ссудила власть за брата и за мужа. Муж ее, поэт Василий Наседкин, схвачен за Есенина, а проступки приписать всякие разрешено, закона нет, совести у карателей нет: жми на карандаш.

Сидит она в камере. И ночью, так мне "воспроизвели", ночью, луна свидетель, - гулко разворачивают клепаную дверь и бросают на холодные каменные плиты окровавленную девчонку. Екатерина хоть и политическая арестантка и крупная шпионка, но душа-то в ней братова, обтерла девчонку, обогрела, наклонившись.

Познакомились - жена Бухарина. Того Бухарина, отравно-расстрельного, призывавшего казнить, казнить и казнить безвинный русский народ. Потерял неприкосновенность член Политбюро, угодил под пята чугунного самодержца, Генерального секретаря ЦК КПСС Иосифа Виссарионовича Сталина.

Не рой яму ближнему, сам в нее попадешь. Народ не дурак: поговорка, пословица ли - из правды. Девчонка, женился-то на ней Бухарин, на четырнадцатилетней сестренке своей последней непервой жены, в чем виновата? Глупа еще. А палачи - до жалости им?

Деревянные, оловянные, чугунные истуканы, завистники, браконьеры поплатились за поэта: никому не удалось избежать того или иного Божьего наказания, никому.

Жаль Есенина. Не дали ему жить. Да и дышать свободно не дали. И ему ли только? Когда Ленин, Свердлов, Троцкий, Дзержинский и другие вожди революции топтались вокруг заспиртованной головы царя, отрубленной палачами на Урале, не мог наблюдать этот кровавый концерт Сергей Есенин. А что мог народ? А что, получается, мог император? Помолился - и бросил Россию...

Этот кровавый концерт, кровавый грех, мутит нас. Кровь царских детей, обрызгавшая ипатьевские подвалы, щедро пролилась по русской земле: Сергей Есенин был ею обожжен и обожжен сын его. Вслед Павлу Васильеву взяли Юрия. И расстреляли - вслед. В августе тридцать седьмого. Двадцать лет едва прожил парень, едва успел понять, чей он сын, едва успел стряхнуть с себя розовый туман детства. За отца - окровавили.

Обвинение Юрию Есенину - попытка создать организацию для терроризма: ликвидировать Сталина, Калинина, Кагановича и прочих ленинцев. То же "доказательство" - свинцовая пуля. Те же имена изуверов: Журбенко, Павловский, Кандыбин, Плавнек, Ежов, Рогинский, Костюшко, Климин, - все они испачканы кровью Павла Васильева.

Юрия Есенина арестовали в Хабаровске, солдата, из казармы швырнули в московские подвалы, в те, где сидел, ожидая пули, Павел Васильев... Нет русским людям пути, если они талантливы и прозорливы, нет!

Не исключено, слухи о расправе над царскими детьми, царем и царицей достигли и Сергея Есенина:

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...

Сегодня, по определению экспертов, от вождя - голова цела, "то", "что" он от царя в стеклянном сосуде заспиртовал. Голова. Голова - за голову... Сегодня в Мавзолей зазывают людей с Красной площади через рупор-матюгальник, а люди не торопятся к Ильичу.

Жизнь отрезвила нас. Да и правители, от Ленина до Горбачева, отрезвили: что ни

обещание - ложь, что ни прогресс - глупость, что ни закон - кабала. У нас - ни земли, ни достатка, ни права.

Я не каюсь и не стыжусь собственных стихов о Ленине. Я начал изучать Ленина с букваря, а закончил курс вчера в Мавзолее и у Кремлевской стены. Шагаю. Очереди нет. По мере удлинения очереди за хлебом и молоком - очередь к Мавзолею сокращается и сокращается, не пересохнет ли?..

Шагаю. Около Мавзолея - милиционер. У дверей Мавзолея - два солдата. За дверьми, внутри Мавзолея, - два солдата. На лестнице к гробу - два солдата и офицер, справа. И у тыльной стороны - два солдата и офицер. За выходом милиционер. Неэкономично.

Я - поражен. Милиционеры, солдаты, офицеры - как после бури: чуть печальны, чуть сутулы, чуть помяты. Черный мрамор ступеней, торжественный полумрак, державность покоя поколеблены: неужели гранитный Мавзолей непоправимо треснул?

И покойник - не великий человек? Притулился - маленький. Жалкий. И лоб - не огромный, обычный. И лампочка тускловатая. Вождь лежит - рыжий, плоско спеленутый. Страна, разрушаясь, спешит отринуть его и опровергнуть. Виновата? И мы, царь и народ, не без вины: куда катились? К Ягоде, к Ежову и к Берии?

А в Кремлевской стене и подле нее - инессы арманд, губельманы, куусинены, урицкие, шверники, пельши, то плитами, то бюстами, почему, за какие заслуги они здесь? Держава, нашпигованная ложью и смрадом, расползлась.

В ноздри Есенину пахнуло русской кровью, и распятая Россия замаячила перед ним, кресты, кресты, кресты, безвинные, безымянные, бесчисленные!.. Капитаны, с лысиной, как поднос, корабли, корабли - русская сказка изувечена и брошена на разграбление.

Художники - особые люди. Наметанность их взгляда и цепкость их ума неопровержимы. Значит, Сварог успел, рисуя погибшего поэта, уточнить для себя "поведение" окна: почему оно не раскрылось? Сварог принял на себя траурную глыбу ответственности,

так? Сварог несколько часов провел около мертвого Сергея Есенина. А мы знаем: мертвые иногда говорят, как живые, если ты, живой, способен их слышать. А не желаешь слышать - пеняй на себя...

Следы сопротивления, бесспорные, Сварог заметил на пиджаке, а пиджак исчез. Туфли исчезли. Но обилие ковровых ворсинок? Допустим, поэт падал, лежал, даже встать не мог, пьяный, тогда как же он очутился на высоте отопительной трубы у потолка? И почему не зафиксировано медэкспертами "тяжелой дозы" алкоголя? А зафиксированная "доза" - не повод и для упоминания здесь... Тело, завернутое в ковер, в окно не просунули, а коридором нести побоялись?

Как же Есенин очутился на такой высоте? Эдуард Хлысталов, без нажима на "разоблачение", а продолжая выяснять и сравнивать, сопоставлять документы и донесенные до нас временем устные разгадки, осторожно предполагает: "Организаторы убийства Есенина прислали под видом врача провокатора, который определил, что смерть поэта наступила за 5-6 часов до обнаружения трупа, и выходило, что он погиб примерно около 5 часов утра 28 декабря 1925 года.

Однако тщательное исследование акта вскрытия тела поэта позволило современным судебно-медицинским экспертам определить, что тело в вертикальном положении находилось не менее 24 часов и смерть наступила (с учетом всех поправок) около 18 часов 27 декабря".

Хлысталов рассуждает: "Утром 28 декабря 1925 года по настойчивому требованию приятельницы Есенина - Е. Устиновой - был открыт номер пять, где четыре дня жил поэт. Открывал дверь комендант, сотрудник ОГПУ В. Назаров. Долго провозившись с замком, он повел себя странно: в номер не заглянул, не зашел, а повернулся и ушел от двери. Он поступил, как словно знал, что там Есенин мертв, и не хотел быть первым свидетелем.

Устинова и другой знакомый Есенина - В. Эрлих - вошли в номер гостиницы и увидели висящего в петле поэта. Они не оставили подробного описания, в каком месте и положении находился труп.

Присланный на место происшествия милиционер 2-го отделения милиции Н. Гробов составил акт, из которого также нельзя сделать однозначного вывода. Фотографирование места происшествия почему-то выполнял не криминалист, а портретист М. Напельбаум".

Хлысталов опытный, в прошлом - следователь по уголовным делам. Страдать излишними "фантазиями и наивностями" ему не полагается. Недавно престарелая, давшая о себе "сигнал" супруга коменданта гостиницы "Интернационал" (та же гостиница) Назарова, письменно подтвердила - смерть Есенина произошла задень до официального обнаружения его трупа. Эдуард Хлысталов заключает: "Назаров, открывая дверь номера гостиницы утром 28 декабря, уже знал, что Есенин мертв".

Я и раньше считал, что к гибели Есенина как-то причастен поэт Вольф Эрлих, который уверял всех, что он видел живым поэта около десяти часов вечера 27 декабря и не остался у него ночевать только потому, что нужно было идти к врачу и на почту. Теперь мы знаем, что к врачу Эрлих утром не ходил, а заявился в компанию своих друзей, где и пробыл всю ночь, подтверждая свое алиби к гибели Есенина. Но мы теперь знаем еще одну важную деталь - Вольф Эрлих был тайным сотрудником ГПУ...

Конечно, Эрлих мог солгать Есенину, не желая остаться у него, мог пойти от Есенина в любую компанию, это - дело Эрлиха. Но красная завируха тех лет, аресты в домах и гостиницах, слежка за Есениным до расстрела Ганина, а уж после - рысьим зрачком, не велят нам экзальтированно уповать на случайность.

Наталья Сидорина, "обнаружив" Гиляровского около трупа Есенина, с ужасом "обнаружила" его и около трупа Фрунзе. Историчен... Случайность ли? Фрунзе и Есенин - случайные ли? Хотя ныне действующий эксперт Маслов придирчиво проанализировал акт Гиляровского и нашел: составленный акт - по нормативам и требованиям того времени. Но акт - лишь акт, бумага...

Наталья Сидорина сообщает: Троцкий, Ягода, ряд высокопоставленных чинов ОГПУ, не говоря уже о любимце партии, Бухарине, патологически ненавидели поэта, искали момента освободиться от него. Ленинград, перед приездом туда Есенина и в дни гибели поэта, посетила внушительная группа профессиональных палачей, так или иначе "прикоснувшихся" к трагедии.

Юрий Прокушев сдерживает эмоциональный пульс. Надеется на суровую правду следственно-медицинской воли. И не нам, есенинцам, между собою дрязгу затевать. Истина неуничтожима. Обидно, если Эрлих и Бениславская - во врагах. Ведь они поданы многими и многими сенсационно: лебеди, разбившиеся о твердь, непостижима их верность Есенину!..

Смерть через повешение - ритуал масоно-сионистских карателей. Ныне только глупец или подлец не замечает, как часто русские патриоты, журналисты, поэты, общественные деятели оказываются в петле. Иногда разнообразят петлю "дорожное происшествие" и "сердечная недостаточность". Но люди призвания, люди политического накала и борения - не слабые люди, а целеустремленные и прочные.

Меня поражает стойкость русских поэтов, отсидевших погребальные сроки в лагерях и возвратившихся оттуда: ироничны, выносливы, грамотны школой народной беды, школой народной совести и национального самосознания, грамотны роковым течением жизни, ее тяжелой наукой - "образованием" безвинно приговоренных.

Но почему Бениславская пила? Я читал ее письма. Много писем - и от каждого веет запахом водки и прокуренного стола, оглушенного грозным весельем шизофренички, веет кладбищенским шумом славы, веет неспасимой болью покаяния и пригвожденной тоской одиночества. Троцко-свердловско-ягодковский клан ее себе "посвятил" и вывозил в крови? Не вынесла?

Но недокументированные домыслы опасны и осуждаемы. Моря безвинной крови, пролитые и взбудораженные шайкой убийц, ныне, растолкнув берега, гульнули по СССР, взламывая и смывая республики, круша гербы и переворачивая бронзовые памятники идиотам. А в тумане крови, во тьме взаимных претензий новые убийцы тучнеют, новые идиоты...

Торжествовал СССР - русских теснили. Разрушился СССР - русских теснят. Разрушают Россию - теснят русских. Вытопчут русских, кого душить возьмутся? Не могут же звери не лакать крови. Русских им на семьдесят лет хватило. Интересно, насколько им остальных народов хватит?

Да и ничего не меняется у нас в освоении культурных и нравственных богатств: были в СССР - экран для нерусских и в России теперь - экран для нерусских. Экранная Нинэль уйдет - экранная Боннэр явится. Экранный Боровик уйдет - экранный Познер явится...

А русские в общей их неспособности еще и букву "р" правильно, гои, выговаривают, не картавят. Куда им, на радио или экран? Картавые нужны, картавые и нерусские. Русские хорошо слушают и смотрят: дисциплинированные и прилежные, как Познер.

Вот после скандала и бойни у телебашни в Останкино программы изменились, и в русскую пользу: русские песни хор орет в пять утра и в час дня, когда русские спят или кушают - пожалуйста, и Зыкина притопывает башмачком... А болтают: русским нет ходу?

Но, когда развязывают галстуки на американских рубашках бизнесмены, когда бизнесмены лежат на кушетках и курят гаванскую сигару, когда они, жаль, не выговорив букву "р", возвратятся из родного Израиля, или Неаполя, или же Рима, они - и смотреть им на Зыкину? Извините... Они тогда хотят видеть Поэнера, хотят слушать того, кто четко и ясно не выговаривает русскую букву "р"...

Гусь о гусе. И гуси - о гусях. Лебязья стая. Балет.

Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.

Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.

И у Кремля гранит - на их костях. И Мавзолей - на русских костях. Стыдно - узнаем долго... Есенин... поэты... несчастная Россия...

Ничего нет горше и виноватее, чем видеть и чувствовать беспомощность родного

народа, погибельную смуту Родины. Задумываешься о прошлом - там пытаешься кое-что понять и перенести эту каплю понимания на сегодняшнее столпотворение, сегодняшний разор и крах. Виноваты ли мы, русские? Виноваты.

В прошлом, вторгаясь в пределы Азии, удалялись и удалялись на ужасные расстояния от Москвы - рассеялись. Разрешили помыкать собою бородатым "копиям" Карла Маркса, пахнущим помойной мокретью. Доверили - погорели. И в Афганистан гнали нас за погибелью. Чего нам там мерещилось: свобода, но для кого, для "учеников" Карла Маркса, чьи выbledки в зобах русское золото на Запад тащат?

Солдаты афганского призыва отказались быть доблестными. Их командиры приказывали им завоевывать безоружных, не шедших к нам с "контрой", не стучавшихся в наши дома. Надо - стрелять, ранить, убивать, пересиливать свою подчиненную слабость в одиноких оценках-догадках, надо находить оправдание личному преступлению, а это оборачивалось вопросами к офицерству, к правительству и к стране. Да, да, и к стране, и к нам.

Русских не примирить с невинной кровью. Своей много и невинно пролили. Пролили под пистолетами рыцарей Карла Маркса. Афганистан развернул гневных русских воинов на СССР. Солдаты - в оппозицию. Полковники - арестовывать руководителей. Грачев, министр обороны России, в августе 1991 года не откозырял Язову, а Руцкой, полковник, арестовал Янаева, Крючкова, Варенникова. А Громов? Славировал.

Шапошников, нынешний Главковерх СНГ, готовился бомбить Кремль, если путч начнет удаваться их маршалу... В результате - СССР распался.-А сейчас: русские везде - гонимые, а бьют русских с помощью тех же чиновных афганских героев. Генерал Лебедь взмыл над ними, но и того они давят, унижают, запрещают ему говорить. А говорит он прекрасно, отважный витязь, не чета им, поступившим с Родиной, вверенной под их защиту, как с внезапным и выгодным для них калымом, но и его охмурят. Торг фонтанирует:

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

И:

"Ничего, я споткнулся о камень,
Это к заетраму все заживет".

А человека-то нет. Есть - копия, надоевшая и утлая. Есенин печально осознавал принудительную осторожность русских, рас-стрельный страх в них, подпавших под клановое иго. На кого надеяться? И безотказная "влюбленность" поэта в евреек, хотя они, проказницы и сирены, достойны, не есть ли попытка Есенина вырваться из петли, раскручиваемой Юровскими, вайне-рами, васбартами?

Едва опубликовал "День" мое стихотворение "Расстрел в Екатеринбурге", в "Литгазете" Ананьев, Гранин, Дементьев, Дедков, Евтушенко, Рождественский и примкнувший к ним В. Быков заявили: "Антисемитский стишок!.." Ну, "антисемитский", ну, "сионистское" заявление, а дальше? "Антисемиты"... "Сионисты"... Так? Заступись, Бог, не хотел я затронуть их национальное чувство!.. А они ничего не замечают: только "антисемитизм", слепцы.

Твардовский у нас, пожалуй, да Щипачев - не антисемиты: Твардовский - за "Стихи Есенина рассчитаны на десятиклассниц, на томных барышень...", а Щипачев - за "Все Злате посвящаю"... Вас. Федоров - антисемит. Ручьев - антисемит, Со-лженицын - антисемит, Астафьев - антисемит, но сейчас пока - наоборот: замешкались. Белов - антисемит, Распутин - антисемит, Бондарев - антисемит. Тьфу! Кто же не антисемит? Боровик и Адамович.

Банда, расстреливая царя, царицу, царевен и царевича, перекочевала в Кремль, а из Кремля - в подвал бутырок, лубянок, соловков. Грызуны, перепилившие кривыми зубами соловьиное горло Сергею Есенину и России.

Потому: умирают, как исчезают, "ближневосточники" Иванов, Бегун, Евсеев, Кузьмич, а русские молчат. Не молчат те, черниченки и адамовичи, "косвенно" повинные в тюремной петле Осташвили, а русские - молчат... Ананьев романирует на русском, жена - на русском, дочь - на русском, и не доволен. Константин Устинович Черненко, сипя от изнеможения, приколол ему на лацкан Золотую Звезду соцгероя, а он, главный редактор "Октября" и депутат, дуется, антисемитов ищет.

А мой друг, Андрей Дементьев? При Брежневе - лежал на экране, ночевал в телестудии: страна его так "обожала" и ждала шедевры. При Андропове - лежал. При Горбачеве -

лежал, заставляя нас аплодировать Беляеву и Севруку, величая их "большими" деятелями КПСС, Нинэль даже не могла его, Эзопа, выманить с экрана.

Заведуя идеологией ЦК ВЛКСМ, цензурил за "Молодой гвардией", а убег руководить в "Юность", в "Молодую гвардию" не пустили: слишком русский. Эх, Андрюша, Андрюша, не стоит тебе коллективно уязвлять нас антисемитизмом, не сионист же ты?

И соцгерой Гранин творит на русском. А ходит и "вынюхивает" среди русских антисемитов. И везет человеку: нюхнет - есть, нюхнет - есть, сажай, как Осташвили, гробь. Страна не доразграблена, не доразрушена, оккупируй и верши расправу над русским народом-антисемитом.

Скромнее всех Быков. Живет в Минске. Вдохновляется на русском. Не читал ни строчки моей, не знает меня, но осудил. Я его заметил. Брежнев в президиуме писательского съезда и В. Быков, оба увешаны медалями и орденами, ну до того счастливые, единоутробные, сидят и перемигиваются, сидят и перемигиваются, буфетно-бутербродные.

А Евтушенко, припорол из Израиля, подай ему антисемитов, ну что за причуды? Мало ему крови Осташвили? А Дедков? В журнале "Коммунист" навел порядок, теперь нас шлифует: неистовый Феликс... Вот Роберт Рождественский натужно подписал клязу и не сообразил - зачем, а мог бы и не подписывать, глашатай эпохи Леонида Ильича Брежнева.

Юный Сергей Есенин был приглашен к императрице и ее дочерям. Был приглашен. Императрица как-то читала его стихи. Разволновалась. Удивилась нежности, яркости и участию природы в них. Удивилась. И вот - перед царицей юный Есенин. Голубоглазый, золотоволосый, как солнечный рязанский день в июле.

Царица подошла и ладонью чуть провела по его пылающей голове: - Какой вы грустный!.. - Такойа жизнь...

Имею ли я миг спутать Сергея Есенина - у царицы с Исайкой - у Нагибина? Имею ли я миг спутать тебя с ними, друг мой, Андрей Дементьев? Пусть я подмогнул подняться тебе на ноги, когда ты поскользнулся на мраморной лестнице в Георгиевском зале, где раньше перемигивались звездоносные Брежнев и Быков. Ты скакал открыть дверцу автомобиля - встречать Раису Максимовну. Пусть.

Брежнев, кумир твой, к тому времени исчерпался, обрыдл и забюстовел у Спасской... Ты к новому скакал - на новом съезде. Поскользнулся. Упал. Ты, мой друг, и тогда уже - глубоко пожилой и пронизательный человек, не сам ли молодцевато вскочил, многократно награжденный за систематическое усердие? Но упал...

Твои лирические песни, особенно про русскую бабушку, не Татьяну ли Федоровну Есенину, танцующую, "ажю челюсти бренчат", доставляли редкое эстетическое наслаждение тебе и ЦК партии. Ты, Рождественский, Евтушенко - гомеры, околачивающиеся возле Беляева и Севрука, и выше: на трибуне Политбюро. И русская старуха, "бренчащая челюстями", - твое предсказание перестройки: поесть охота рабыне, а зубы ее цакают впустую у голых прилавков, а вы, прорабы, вы, "мозговой центр", кто - в Израиль, кто в Канаду, кто в Америку?

Неужели в Канаде кишат антисемиты, а сионистов, как в России, среди вас нету? Да, русский может быть убийцей, татарин может, а сионист нет. Сионист может лишь тренькать на скрипке, потому и первый антисемит - Сергей Есенин.

Не кажется ли тебе, Андрей Дементьев, что быть истерзанным негодьями и проходимцами из партийно-сионистской банды, не иметь ни экрана, ни радио, ни "Литгазеты" под боком, не пользоваться проницательной поддержкой за границей - гораздо достойнее, чем лизать Брежнева и последующих лидеров?

Забыл, как в Рязани, выдернув из брюк отутюженный женою платочек, ты вытер носки у башмаков секретаря ЦК ВЛКСМ? Да, русским - невыносимо, но вытереть носки шефских ботинок один ты ласково изловчился и не запил, не задепрессировал?.. Я хоть мультимиллиордершу Кристину Онассис "унизил": возмутился, когда Гришин, Промыслов и Зимянин хамски вселили ее в мою квартиру, вышвырнув меня с детьми, а ты? Верещал желтыми костями и приседал, приседал, вытирая.

А как ты восторженно защищал Яковлева, Шеварднадзе, Горбачева, Попова, Ельцина, Гайдара, Мурашова? Где антирусское сборище - там ты, мой брат. Ты, матерый, надеешься: не просчитался? Просчитался. Русское слово утекло из твоего воображения и разложилось. Ты массируешь его, как свою физиономию, но слово - не проститутка...

А кому ты в "Юности" верстал страницы под ерничанье над Есениным, кому? Не стыдно? Русский человек? Сколько ты улик произнес против нас, забыл? Почему ты редко лежишь на экране сегодня? Согнали тебя, надоел? Или ты оскудел от лжи, подхалимничания и неприличностей? Стар и трафаретен?

Я мог бы подать в суд за "антисемитский стишок", но судебная псарня - занятие "апрелевцев". Смерть Осташвили - подтверждение их злодейств; Олег Попцов, телевождь России, и ты - блистательные шефы плюрализма. Не гоняйтесь за антисемитами, вы же - прорабы!..

А Сергей Есенин - жертва мафии. Да он ли один? Нет пока у нас защиты от оккупантов. Не суепись, Андрей, ты, брат мой, как маршал Брежнев - в сиянии и звоне наград. Ты загодя рванул из КПСС. Я горжусь тобою. Ты неуловимей беса... А Есенин?

"Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошнее переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу, ей-богу, не могу! Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу. Ведь и раньше, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть.

А теперь - теперь злое уныние находит на меня. Теперь, когда от революции остались только хрен да трубка, теперь, когда жмут руки тем, кого раньше расстреливали, стало ясно, что ты и я были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать. Перестая понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно: что ни к февральской, ни к октябрьской. По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь".

За два, за три года до гибели поэт отчетливо уяснил: революция принадлежит кому-то,

но не народу, не сеятелю и кузнецу. А нам сейчас и вчерашнее десятилетие - рай, если сравнить его с перестроечным грабительским десятилетием, да и нельзя все перечеркнуть. Революция, скорбя нам, воскресала в нас, в подвиге, в труде народа, в страданиях и крови его.

Сон вижу: Россию затопило. По лону вод Ной ковчегом правит. Навстречу Алесь Адамович:

- Где русофилы?

- Русские под волнами, все!

- Я те покажу, все!.. - приструнил Ноя Адамович и заскреб, заскреб кривою ластой по океану...

- Какая опасная русалка! - вздрогнул Ной... Мы почти ожили, почти зарубцевались раны и обиды наши, но предательство Горбачева с новой дьявольской жестокостью уничтожает Россию и ее страдающий народ. Горбачев - Черный человек, запеленгованный светом есенинским, как вражеский разбойный истребитель. Аварии, разломы кораблей, землетрясения, ядерные смерчи - Горбачев: природа не дала ему ни обаяния, ни ума, ни таланта. Народ презирал его. Дух покинул его, скользкого. Мысль его тупа и нахальна.

Я не за то, чтобы денно и ночью валить весь нынешний хлам, лить всю нынешнюю кровь, все нынешние слезы на Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, но я за то, что Горбачев - преступник и предатель космический... Он убедил меня: партия, страна - кровавая сцена, где разыгрываются бандитские спектакли "вождями" революции, их соратниками и холуями. Партия - мишень, да и народ - мишень для ока лидера, и куда он всадит пулю ему, в сердце или висок, - кто предугадает?..

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали.

Летят журавли над нами, журавли! И мертвенная зыбь колеблется за их крыльями.

